

«МЕРТВЫЙ ХРИСТОС» ГОЛЬБЕЙНА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»: ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТИКАТОЛИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

А.А. Юдахин

*Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия;
Artemyudakhin@yandex.ru*

Аннотация: В статье приводится анализ христологического и антикатолического дискурса полотна Гольбейна Младшего «Мертвый Христос» в контексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Концептуальный анализ полотна осуществляется в трех направлениях. Во-первых, рассматриваются различные трактовки образа «Мертвого Христа», заданные самим художником в рамках живописного нарратива. Прежде всего, мы выделяем христологический мотив Христа Воскресающего или же, наоборот, Христа умершего, а также экклесиологический мотив: с образом мертвого Христа связана критика духовно умершей Римско-Католической Церкви эпохи Реформации. Во-вторых, исследуется рецепция полотна Гольбейна Младшего в русской культурной традиции, имеющей непосредственное отношение к Достоевскому. Различные акценты (гуманистический и танатологический) в восприятии полотна Карамзиным и прот. С. Булгаковым помогают понять и осмыслить то впечатление, которое произвел гольбейновский Христос на Достоевского. И, в-третьих, образ «Мертвого Христа» анализируется в художественном контексте романа «Идиот».

В ходе исследования автор приходит к следующим выводам. Антикатолический нарратив, заложенный в полотно самим автором, актуализируется Достоевским и приобретает в романе центральное, сюжетообразующее значение. Превалирующая танатологическая оптика восприятия картины героями романа коррелирует с обличаемой князем Мышкиным бездуховностью Запада и апостасией Римско-Католической Церкви. Живописное полотно Гольбейна как визуализация антикатолического дискурса концептуально сопрягается с его вербальным выражением — антикатолической речью князя Мышкина. Таким образом, в романе «Идиот» акцентируется именно христологическое обоснование религиозно-конфессиональной полемики с католицизмом, которую Достоевский вел на протяжении всего послекаторжного творчества.

Ключевые слова: Достоевский; Гольбейн Младший; «Мертвый Христос в гробу»; христология; антикатолическая полемика; роман «Идиот»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-9

Для цитирования: Юдахин А.А. «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 102–111.

HOLBEIN'S *DEAD CHRIST* IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE IDIOT*: CHRISTOLOGICAL AND ANTI-CATHOLIC DISCOURSES

A.A. Yudakhin

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia; Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the Christological and anti-Catholic discourse of Holbein Jr.'s canvas *The Dead Christ* in the context of F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot*. The conceptual analysis of the canvas is carried out in three directions. Firstly, various interpretations of the image of the *Dead Christ*, set by the artist himself within the framework of the pictorial narrative, are considered. First of all, we highlight the Christological motive of Christ Resurrecting or, conversely, of Christ who finally died, as well as the ecclesiological motive, which consists in criticizing the spiritually deceased Roman Catholic Church of the Reformation era in the image of the dead Christ. Secondly, the reception of the canvas by Holbein Jr. in the Russian cultural tradition, which is directly related to Dostoevsky, is investigated. Various accents (humanistic and thanatological) in the perception of the canvas by N.M. Karamzin and prot. S. Bulgakov help to understand and comprehend the impression that Holbein's Christ made on Dostoevsky. And, thirdly, the image of the *Dead Christ* is analyzed in the artistic context of the novel *The Idiot*.

In the course of the study, the author comes to the following conclusions. The anti-Catholic narrative, embedded in the canvas by the author himself, is actualized by Dostoevsky and acquires a central, plot-forming meaning in the novel. The prevailing thanatological optics of the perception of the picture by the heroes of the novel correlates with the lack of spirituality of the West denounced by Prince Myshkin and the apostasy of the Roman Catholic Church. Holbein's painting, as a visualization of anti-Catholic discourse, is conceptually interfaced with his verbal expression — the anti-Catholic speech of Prince Myshkin. Thus, in the novel *The Idiot*, it is the Christological justification of the religious and confessional polemic with Catholicism that Dostoevsky conducted throughout his post-reform creativity which is emphasized.

Keywords: Dostoevsky; Holbein Jr.; *The Body of the Dead Christ in the Tomb*; Christology; anti-Catholic polemic; the novel *The Idiot*

For citation: Yudakhin A. (2023) Holbein's *Dead Christ* in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*: Christological and Anti-Catholic Discourses. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. *Philology*, no. 6, pp. 102–111.

1.

Роман «Идиот» замышлялся Достоевским как роман-повествование о князе Мышкине — герое, фигурирующем в черновых набросках к роману под именем «Князь Христос» (9, 246)¹. Роман о «*вполне прекрасном человеке*» (28, кн. 2: 241) становится романом о Христе, «художественная антропология вырастает здесь до христологии» [Ничипоров 2022: 180]. Христологический нарратив, изначально заявленный в образе главного героя, артикулирован самим же князем в рамках антикатолической речи, произнесенной на званом вечере у Епанчиных (VII глава IV части).

Главные положения гневной филиппики князя Мышкина в адрес католицизма в рамках данного исследования можно свести к двум. Во-первых, князь утверждает, что католицизм есть «вера нехристианская» (8, 450), проповедующая «искаженного Христа <...> им же оболганного и поруганного, Христа противоположного» (8, 450), «антихриста проповедует» (8, 450). Во-вторых, обмирщенный римский католицизм, представляющий собой замаскированную под христианскую религию политическую идеологию, порождает, по мнению князя, атеизм и социализм (8, 451). Князь Мышкин озвучивает свое «личное и давнишнее убеждение» (8, 450) в inferнальной и апостасийной сущности католицизма, проповедующего не Христа, а Антихриста. На первый взгляд радикальные, кажущиеся абсурдными утверждения Мышкина на самом деле служат поводом для изложения идеологической программы самого Достоевского [Криницын 2018: 109–110]. Анализ его эпистолярного наследия за 1867–1871 гг. отчетливо показывает, что антикатолическая речь князя Мышкина является трансляцией авторской позиции — заветных религиозных и историософских идей Достоевского.

Однако антикатолический нарратив, вложенный в уста князя Мышкина, имеет в романном мире также и живописное воплощение. И живописному аргументу Достоевский придает не меньшее значение, чем выражению собственных воззрений, которое было доверено князю Мышкину. Картина Ганса Гольбейна Младшего «Мертвое Тело Христа в гробу» (нем. *Der Leichnam Christi im Grabe*), известная в русской традиции как «Мертвый Христос в гробу», играет в романе роль «своеобразного композиционного центра, организующего повествование» [Лученецкая-Бурдина 2012: 206]. Полотно, по замыслу Достоевского, приобретает характер «системообразующего фактора, становится смысловой сердцевиной романа, его проблем-

¹ Здесь и далее тексты Достоевского цитируются по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990. Все цитации Собрания сочинений Достоевского оформляются в тексте статьи следующим образом: номер тома, номер страницы.

ным эпицентром» [Бачинин 2017: 201]. Исследователи говорят даже о наличии специального дискурса Гольбейна в «Идиоте» [Новикова 2013: 82].

Картина «Тело мертвого Христа в гробу» написана Гольбейном Младшим в 1521–1522 гг. в Базеле, всего через несколько лет после начала Реформации. В это сложное и противоречивое время религиозного кризиса, сотрясавшего Европу, именно «фигура Христа становится для Гольбейна эпицентром его раздумий <...> художник, занятый вопросами самопознания, встает одновременно на путь богопознания» [Бачинин 2017: 209].

В полотне «Мертвый Христос в гробу» Гольбейн художественно претворил как свои внутренние духовные поиски, так и главные тенденции эпохи. Состояние экзистенциальной растерянности и духовной дезориентации отражены в картине, усложняя процесс интерпретации ее символического содержания. Исследователи до сих пор расходятся во мнении, что же именно изображено здесь.

Венгерский литературовед Пал Ач, проанализировав биографию Гольбейна, пришел к выводу, что картина предполагает в целом как минимум три возможных варианта интерпретации, адекватных замыслу автора. Пал Ач констатирует, что «о художественном замысле, подчеркивающем невозможность воскресения Христа, в мире Гольбейна не может быть и речи» [Ács 2013: 77]. Полуоткрытые глаза Иисуса, а также расположение пальцев застывшей кисти правой руки могут быть истолкованы не только как свидетельства предсмертных мук Христа, но и как первые движения Христа Воскресшего, а точнее — Христа Воскресающего [Ács 2013: 78].

Вместе с тем образ «Мертвого Христа» как Христа Воскресающего может быть прочитан и в прямо противоположном ключе. Испытав через Эразма Роттердамского влияние философии гуманизма, а также теологии радикальной Реформации, Гольбейн Младший, как полагают некоторые ученые, изображает Христа «слишком человеческим мертвым Сыном» [Кристева 2010: 127]. Иисус Гольбейна переведен «из трансцендентного разряда в разряд сугубо антропологический, превращен в раба тления и смерти, намертво запертого в могиле, так что ни о каком Его воскресении уже не могло быть и речи» [Бачинин 2017: 216]. Подчеркнутая десаκραлизация визуального образа Христа, даже претерпевшего крестные муки и смерть, то, что Ю. Кристева называет «стиранием славы в образе» [Кристева 2010: 125], — все это свидетельствует о возможном кризисе веры Гольбейна Младшего в божественное достоинство Христа [Кристева 2010: 132].

Полотно «Мертвый Христос в гробу» было написано в 1521/1522 годах, почти за десять лет до перехода Гольбейна в протестантизм.

Однако уже тогда, по всей видимости, в душе художника вызревало разочарование в Римско-Католической Церкви. Кризис доверия к Католической Церкви и Папскому престолу был очевиден для многих и охватывал широкие круги европейских христиан. Отсюда проистекает третья, «самоочевидное» [Ács 2013: 80] для современников Гольбейна Младшего послание «Мертвого Христа». Поскольку Церковь, согласно апостолу Павлу, есть «Тело Христово» (1-е Кор. 12:27), Гольбейн, «описав смерть Иисуса с такой шокирующей и убедительной силой <...> сформулировал на изобразительном языке то, во что верили Эразм, Лютер и радикальные протестанты: Церковь, старая церковь — и старик в ней — мертвы. Его больше не существует. Он мертв не только символически, но и в самом буквальном смысле этого слова. Но он воскреснет, если последует за своим учителем, Иисусом» [Ács 2013: 80].

Таким образом, в полотне Гольбейна пересеклись две, а на самом деле даже три трактовки образа «Мертвого Христа», которые предполагал автор картины. Христологическая интерпретация амбивалентна и может быть прочитана и как весть о Христе Воскресающем, и как весть о Христе умершем. Выбор трактовки напрямую коррелирует с верой/неверием (как наблюдателя, так и, возможно, самого автора полотна) в божественное достоинство Иисуса Христа. Экклесиологическая интерпретация выражает критику Римско-Католической Церкви, отвернувшейся от Христа, а потому духовно «умершей». Как показал Пал Ач, обращение к каждой из трех перечисленных трактовок допустимо и уместно в рамках заданного автором живописного дискурса.

2.

Что же увидел в «Мертвом Христе» Гольбейна русский писатель Достоевский? Сам он нигде напрямую об этом не пишет. Анна Григорьевна Достоевская оставила воспоминания о том впечатлении, которое произвел гольбейновский Христос на автора «Идиота», — однако свидетельства Дневника 1867 года и опубликованных в 1916 году мемуаров разнятся. Пониманию того, что Достоевский на самом деле увидел в полотне Гольбейна, может помочь анализ традиции восприятия «Мертвого Христа» в русской культуре.

Впервые в русском культурном контексте картина Гольбейна появляется в «Письмах русского путешественника» Карамзина. В письме от 6 августа 1789 года Карамзин оставляет следующий комментарий по поводу полотна: «В Христе, снятом со Креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек он изображен весьма естественно» [Новикова 2008: 417]. Е.Г. Новикова отмечает, что Карамзин, употребляя в отношении изображенного такие описа-

тельные характеристики, как «умерший человек», в котором «не видно ничего божественного», «гольбейновского Христа <...> воспринимает вполне гуманистически» [Новикова 2008: 417]. Гуманистический акцент Карамзина — предшественника Достоевского — дополняется тем впечатлением, которое произвело полотно Гольбейна на младшего современника и читателя автора «Братьев Карамазовых», протоиерея Сергия Булгакова. Опыт соприкосновения со смертью и, в умирании, сопричастия умирающему Христу отец Сергей подробно опишет в работе «Софиология смерти» (1939), упоминая, среди прочего, полотно немецкого художника: «...у Гольбейна, хотя и в трупном образе, дано почувствовать не совершившееся, но еще лишь совершающееся умирание, самая его сила...» [Булгаков 2021: 84–85].

Впечатление Достоевского от гольбейновского Христа, на наш взгляд, может быть концептуально осмыслено лишь в контексте высказываний Карамзина и отца Сергия Булгакова. Гуманистическая оптика Карамзина, а также танатологическая оптика Булгакова акцентируют именно момент смерти, умирания Христа, лишённого Своей божественной славы. Радикализованный, доведенный до крайности танатологическая тематика, перекрывая мотив Воскресения, превалирует в полотне Гольбейна. И именно тем, как натуралистично и правдоподобно Гольбейн изобразил *modus moriendi* Христа, как нам кажется, и «восхищался» [Достоевская 1993: 234] писатель. Ретроспективно Достоевский знал о том, что Богочеловек Христос победил смерть и воскрес, и при желании в картине можно найти символические детали, свидетельствующие о начавшемся Воскресении Спасителя. Тем не менее, основной сюжет «Мертвого Христа» — именно изображение торжества смерти над Христом. Временно ли это торжество или оно окончательно? Вне контекста Священной истории, исходя только из гольбейновского образа Христа, может показаться, что победа смерти окончательна. Неслучайно поэтому Пал Ач делает важную оговорку о том, что полотно Гольбейна вряд ли предназначалось для публичного религиозного использования — слишком натуралистично художник изобразил тайну смерти Христа [Ács 2013: 72].

3.

В романе «Идиот» экфрасис картины носит дискретный характер — описание полотна приводится в книге трижды: в сцене посещения дома Рогожина князем Мышкиным (IV глава II части); в размышлениях князя Мышкина о Рогожине на пути к дому Настасьи Филипповны (V глава II части); в «необходимом объяснении» Ипполита Терентьева (VI глава III части). Во всех трех экфрасисах

Достоевский «передает не эстетическую сущность живописного полотна, но впечатление от него, возникающее напряженно-субъективное чувство персонажей» [Лученецкая-Бурдина 2012: 207]. Несмотря на некоторые различия, в восприятии картины всеми персонажами прослеживается одна и та же генеральная тенденция: человек Христос умер и не воскреснет.

На наш взгляд, непростой и полемически заостренный христологический дискурс в романе еще более усложняется мотивом богоподмены, на который указали Р.С-И. Семькина и Ю.А. Юнгеров, относя его как к князю Мышкину и Ипполиту Терентьеву, так и к «Мертвому Христу» Гольбейна [Семькина, Юнгеров 2012: 283–286]. Теологический радикализм Гольбейна заключался в том, что на полотне он изобразил начавшееся загнивание Тела (труппа) Христа, тем самым изолируя человеческую природу Христа от Его божественной природы. Таким образом, Гольбейн, сознательно или нет, нарушает главный христологический догмат IV Вселенского Халкидонского Собора (451) о «неслиянном, неизменном, нераздельном, неразлучном» единстве природ во Христе. Согласно восточнохристианской доктрине, загнивание Тела Спасителя не осуществилось именно потому, что Его Тело было пронизано божественными энергиями, было обожено. О посмертной нетленности Тела Христа подробно писал, к примеру, преподобный Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры».

Для нас важно отметить следующее: картина, выступающая в романе в качестве метафизической провокации, концептуально смыкается с антикатолическим нарративом князя Мышкина. По тонкому наблюдению М.М. Дунаева, антикатолическая филиппика Мышкина разворачивается в ответ на адресованный князю запрет Аглаи Епанчиной говорить на званом вечере о том, что «мир спасет красота» (8, 436). Подчиняясь запрету, князь начинает говорить об обратном — об анти-красоте, а именно — о католицизме [Дунаев 2002: 463]. Визуальным выражением не просто эстетической, но именно метафизической анти-красоты в романе выступает полотно Гольбейна, своеобразная анти-икона Христа. Не останавливаясь подробно на антииконической и антихристанской природе «Мертвого Христа», отметим лишь то глубокое и глубинное различие, которое пролегает между иконографической (сакральной) традицией изображения почившего Христа и тем живописным воплощением сюжета, которое предложил Гольбейн. На византийских и русских иконах мертвый Богочеловек Христос изображается *почившим*, уснувшим плотью, не подверженным окончательному разлагающему торжеству смерти. На полотне Гольбейна Христос изображен в состоянии истлевания, начавшегося физического разложения, что,

с точки зрения догматического богословия, прямо свидетельствует об отсутствии во Христе божественной природы. Достоевский как человек воцерковленный не мог не заметить этого метафизического разрыва.

В этой логике Христос Гольбеина, равно как атеизм и социализм в речи князя Мышкина, генетически восходит к католическому «антихристу» (8, 450). Католицизм как метафизическая «анти-красота» (Дунаев) концептуально сопрягается с искаженным образом гольбеиновского лже-Христа, т. е. антихриста. «Мертвый Христос» Гольбеина есть лишь предельное выражение отрекшегося от Христа «дохлого католицизма» (28, кн. 2: 243). В оппозиции «оболганному и поруганному» (8, 450) католичеством образу Христа, визуализированному на полотне Гольбеина, стоит подлинно евангельский «русский Христос» (8, 453), пока еще не явленный миру. Таким образом, если верно утверждение, согласно которому роман «Идиот» написан «о вере, о России, о Христе» [Лученецкая-Бурдина 2012: 205–206], то верно и обратное: роман написан о безверии, Западе и Антихристе.

Заключение

Центральный для «Идиота» христологический дискурс обретает в романном мире ярко выраженные черты религиозно-конфессиональной, антикатолической полемики. Основанием этой полемики послужили антикатолические воззрения Достоевского, а выражена она вербально (речь князя Мышкина) и визуально («Мертвый Христос» Гольбеина). Антикатолический нарратив, заложенный в полотно самим автором, актуализируется писателем и приобретает в романе сюжетобразующее значение. Танатологическая оптика восприятия картины героями романа коррелирует с обличенным князем Мышкиным бездуховным состоянием Запада, которое, в свою очередь, обусловлено апостасией Римско-Католической Церкви. Антагонистическое противостояние России и Запада, осмыслявшееся Достоевским в историософском ключе на протяжении всего послекаторжного периода творчества, имело для писателя христологическое и конфессиональное обоснование. Собственно темам духовного, экзистенциального конфликта России и Запада, Христа и Антихриста, жизни и смерти и посвящен роман «Идиот».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинин В. Экзистенциальная контроверза Гольбеина-Достоевского (Размышления о картине «Мёртвый Христос») // Нева. 2017. № 11. С. 200–216.
2. Булгаков С., прот. Чаша Грааля. Софиология страдания. М., 2021.
3. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М., 1993.

4. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. III. М., 2002.
5. Захаров В. Достоевский и Гольбейн: картина и ее образ в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 28. 2012. С. 65–73.
6. Криницин А.Б. Функция и идейный смысл образа Лебедева в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 104–117.
7. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М., 2010.
8. Лученецкая-Бурдина И.Ю. Культурные реалии как способ выражения философской проблематики романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 205–209.
9. Ничипоров И.Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности. М., 2022.
10. Новикова Е.Г. «На картине этой изображен Христос, только что снятый со Креста»: Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна мл. «Христос во гробе» // Проблемы исторической поэтики. 2008. №8. С. 415–428.
11. Семькина Р.С.-И., Юнгеров Ю.А. Три идеи о «Мертвом Христе»: мотив богоподмены в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // МНКО. 2012. № 5. С. 283–286.
12. Pál Ács. Holbein's "Dead Christ" in Basel and the Radical Reformation // Hungarian Historical Review 3 [Венгерское историческое обозрение 3]. 2013. no. 1. pp. 68–84.

REFERENCES

1. Bachinin V. Ekzistencial'naya kontroverzha Gol'bejna — Dostoevskogo (Razmyshleniya o kartine «Myortvyj Hristos») [Existential Holbein — Dostoevsky counter-analysis (Reflections on the painting «The Dead Christ»)]. *Neva*. 2017. № 11, pp. 200–216. (In Russ.)
2. Bulgakov S., prot. Chasha Graalya. Sofiologiya stradaniya [The Grail Cup. Sophiology of suffering]. Moscow: *Nikeya Publ.*, 2021. 384 p. (In Russ.)
3. Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1867 goda [Diary of 1867]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1993. 454 p. (In Russ.)
4. Dunaev M.M. Pravoslavie i russkaya literature: V 6-ti chastyakh. Ch. III. 2002. [Orthodoxy and Russian Literature: In 6 parts. Part III]. [Moscow] *Church of the Holy Martyr Tatiana at Moscow State University*, 2002.
5. Zaharov V. Dostoevskij i Gol'bejn: kartina i ee obraz v romane «Idiot» [Dostoevsky and Holbein: the painting and its image in the novel «Idiot»]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. 2012. № 28, pp. 65–73. (In Russ.)
6. Krinicyн A.B. Funkciya i idejnyj smysl obraza Lebedeva v romane «Idiot» [Function and ideological meaning of Lebedev's image in the novel «Idiot»]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. 2018. № 3, pp. 104–117. (In Russ.)
7. Kristeva Yu. Chernoe solnce: Depressiya i melanholiya [The Black Sun: Depression and Melancholy]. Moscow: «*Kogito-Centr*» *Publ.*, 2010. 276 p. (In Russ.)
8. Lucheneckaya-Burdina I.Yu. Kul'turnye realii kak sposob vyrazheniya filosofskoj problematiki romana F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Cultural realities as a way of expressing the philosophical problematics of F.M. Dostoevsky's novel «The Idiot»]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2012. № 2, pp. 205–209. (In Russ.)
9. Nichiporov I.B. Russkaya literatura i Pravoslavie: puti dialoga v istorii i sovremennosti [Russian Literature and Orthodoxy: ways of dialogue in History and modernity]. Moscow: *MAKS Press Publ.*, 2022. 232 p. (In Russ.)

10. Novikova E.G. «Na kartine etoj izobrazhen Hristos, tol'ko chto snyatyj so Kresta»: N. M. Karamzin, F. M. Dostoevskij, S. N. Bulgakov o kartine Gansa Gol'bejna ml. «Hristos vo grobe» [«This painting depicts Christ, just taken from the Cross»: N.M. Karamzin, F.M. Dostoevsky, S.N. Bulgakov on the painting by Hans Holbein Jr. "Christ in the Tomb"]. *Problemy istoricheskoj poetiki* [Problems of historical poetics]. 2008. № 8, pp. 415–428. (In Russ.)
11. Semykina R.S-I., Yungerov Yu.A. Tri idei o «Mertvom Hriste»: motiv bogopodmeny v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [Three ideas about the «Dead Christ»: the motive of the God-substitution in F.M. Dostoevsky's novel «The Idiot»]. *MNKO*. 2012. № 5, pp. 283–286. (In Russ.)
12. Pál Ács. Holbein's «Dead Christ» in Basel and the Radical Reformation. *Hungarian Historical Review* 3, 2013, no. 1. pp. 68–84. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.05.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 23.05.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Юдахин Артем Александрович — магистр теологии, старший преподаватель факультета журналистики Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова; Artemyudakhin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem Yudakhin — Master of Theology, Senior Lecturer at the Faculty of Journalism of the Griboyedov Institute of International Law and Economics; Artemyudakhin@yandex.ru